Александр Ткаченко

Крымчаки
Подлинная история людей и полуострова

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т40

Все тайны истории

Автор признателен
Дмитрию Пуриму и Константину Пуриму
за идею создания этой книги

Книга издана при содействии литературного агента Ирины Горюновой

Дизайн обложки Диана Бобешко

Ткаченко, Александр.
Крымчаки. Подлинная история людей и полуо-строва / А.Ткаченко. – Москва : АСТ, 2015. – 352 с. – (Все тайны истории).

ISBN978-5-17-089941-8

Данная книга была написана одним из немногих уцелевших крымчаков – Александром Ткаченко. Будучи неразрывно связанным со своими истоками, известный русский поэт и прозаик поделился историей быта, культуры и подчас очень забавными обычаями уни-кального народа. Александру Ткаченко, который сам признавался, что писал «на основании элементов остаточной памяти», удалось запечатлеть то, что едва не кануло в лету. Мало кто знает, что ны-нешний город Белогорск до 1944 года имел название «Карусабазар» и был главным центром крымчаков – коренных жителей Крыма, исповедовавших иудаизм. В 1941 году фашисты, отождествлявшие крымчаков с евреями, расстреляли порядка 12 тысяч человек. От жившей веками нации осталось меньше сотни. Со страниц этой книги на Вас будут смотреть внезапно ожившие люди, поражая сво-им образом мыслей и вызывая то смех, то досаду, то гордость. На-полненные юмором и красотой, собранные здесь новеллы и расска-
зы пробуждают необъяснимое чувство сопричастности с невозвра-тимым, наполняя нас любовью к своим корням, к своей родине,
к своей жизни.

© А. Ткаченко, наследники
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Т40

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ПЕСНЬ КРЫМЧАКА

Александр Ткаченко написал книгу о крымчаках — своем народе, исчезающем, кому он сам — «последний из могикан». Какая трепетная задача — удержать от погибели, собрать по крупицам быт, дух и культуру своего прародителя, воскре сить и явить его образ и уникальный голос во человечестве... И сейчас — или никогда! И кто другой, если не я?.. Такой дух, воля и интонация слышатся с первых строк этого сочинения.

И что оно такое? Этнографическое исследование об истории, быте и нравах народа? Психологохудоже-ственное описание характеров и типов людей, наподо-бие «Характеров» Теофраста или Лабрюйера? Книга новелл, анекдотов, мифов и притч, преданий старины глубокой и событий недавних, происшествий близкой нам истории? А и «Ноев ковчег» жанров: тут и повесть, и детектив, и приключения судеб невероятных, очерк и репортаж... Есть такой жанр, как «книга наро да» — сама собой сложившаяся в памяти людей энциклопе-дия жизни, в которую вслушавшись, взялся записать

и пересказать одаренный искрой Божьей слова сын этого народа.

Такая книга перед нами. Запечатлеть образ своего уникального этноса, что вот вот канет в Лету, реку заб-

4 Георгий Гачев

вения истории: ведь всего несколько сотен человек оста-

лось из некогда пятнадцатитысячной популяции крым-чаков!.. А каждый народ — это же космоисторическая Личность, с «лица необщим выраженьем» (слова поэта Баратынского), стилем жизни и мышления.
И как человечество спохватилось создать «Красную книгу Природы», куда занесли редкие и тем драгоцен-ные породы животных и растений, что под угрозой вымирания в переделках индустриализации, — так

давно пора бы завести и «Золотую книгу народов, эт-носов», в которой особые права на существование оз-
начить, выговорить для так называемых малых наро-дов: ненцев, эскимосов, тех же могикан, а у нас нивхов,

коряков — и вот крымчаков... Ведь спектр и радуга мировой культуры изо всех таковых и слагается, и они — незаменимый инструмент и тембр в симфони-ческом оркестре человечества. А между тем вектор истории ведет к ужасающей стандартизации, монотон-ности и однозвучию — под танком глобализации, под катком которой вытоптаны невос полнимые уже цен-ности Природы и Духа. Для него тоже — «Голубую книгу Духа» бы создать, где оберегать странные идеи
и теории...

Но тенденция к нивелировке касается ныне не только так обозначаемых малых народов, но и боль-ших, и великих. Что наблюдаем в культуре Германии, Франции, Испании?.. Американизм и его стиль рас-пространяется и удушает национальное своеобразие и сих культур! Гипноз Количества (и его главные ору-дия: число, математика и деньги) задавливает прин-цип Качества, Неповторимости, Оригинальности. А именно самобытность выпестована долгим трудом Бытия, Эволюции и Истории при сложении каждого народа и его культуры. Тысячелетия и века ушли на выделку каждого великим художником Творцом, при-

Предисловие 5

лажившим климат к рельефу, тундру — к оленевод-ству и шаманизму... И вот пришел Прогресс, пролета-рий с заводом-фабрикой и водкой — и где народы Севера, такие умельцы существовать и творить в ус-ловиях тундры и снега? Что, не востребованы уж их умения Человечеством, Рынком? Прочь, вымирай?!.. А ведь вон потепление Земли грядет — и снова могут понадобиться таланты природосообразного образа
жизни...

Или вон как на территории Крыма Тавриды, в сем привлекательном по земле и климату благодатном аре-
але, — как самослагались в поселениях и переселениях, во встречах и перемешивании многие разные этносы,

каждый образуя особый букет... И что же? Приходит одержимый арийской идеей безумец и ставит под пу-лемет 8 тысяч крымчаков в декабре 1941 года — и где нежные влюбленности, тонкие кружева и песни?.. «Это не рок, не судьба, это преступление на все времена, из которых выпал целый народ с его истори-ей, культурой. Так уничтожались крымчаки. Прошед-шие долгий путь от девяти десятков дворов в Карасу-базаре в XIII—XV веках до 10—12 тысяч человек к началу тысяча девятьсот сороковых. Сейчас их оста-лось всего несколько сотен. А было бы к настоящему времени около 25—30 тысяч человек, если бы... Исто-рия не терпит сослагательного наклонения. Так гово-рят. И это страшная правда. Скоро крымчаков не будет вообще. Есть такая точка в каждом небольшом народе, после которой ему уже не восстановиться биологиче-ски. Конечно, он останется, растворившись в других людях, но этих и этого уже не будет...» (Из главы «Ли-стая небеса»).
И вот писатель-крымчак Александр Ткаченко — я чувствую, слышу, как он в известный момент жизни просто заболел судьбой и бедой своего народа, отложил

6 Георгий Гачев

прочие темы и замыслы литературные, которых у него

не счесть, — и приник собирать остатки и останки пре-даний, историй, судеб и сложить мозаику, или монумент-памятник, мавзолей, дом-храм, куда отныне люди чело-вечества могут прийти и поклониться, воспамятовать и

восхититься — и помолиться и поплакать о сем жившем,

любившем и творившем — и таком прекрасном!
То есть писатель-художник принялся за труд воскре-шения. Он симметричен и встречен работе Природы по порождению народа в ходе эволюции и труду Творца по сотворению космоисторической личности данного наро-да в его культуре. Только у тех в запасе была вечность, не поджимали сроки, а ему — уж поспешать надо, ибо неровен час... на перепутьях истории.

Таковой импульс знаком, испытан и мною. Я тоже жил увлеченный познаванием всемира и разных стран и культур, ученый и писатель и много уже натворив-ши, — как вдруг горло мне перехватила на 50м году жизни судьба моего отца, болгарского политэмигранта в СССР, философа, писателя и музыканта, кто закон-чил свои дни, теплокровный южанин, в вечной мерз-лоте в лагере на Колыме, 43 лет от роду в 1945м... И я бросился собирать его сочинения и воспоминания о нем и подготовили с матерью книгу «Дмитрий Гачев. Статьи. Письма. Воспоминания» (М.: «Музыка», 1975), а на его родине, в Болгарии, подготовил к изданию два тома его «Избранных произведений». И так утолив душу и сердце, смог высвободить дух для новых инте-ресов и писаний.
Подобное душенастроение чувствую собратски и сострадательно и в писателе Александре Ткаченко. Это ведь на перегоне от 60 к 70 принялся он за труд вос-крешения своего народа. А до этого самоосуществлял-ся интенсивно и в жизни разнообразной, и в творче-стве. «И жить торопится, и чувствовать спешит», — это

Предисловие 7

и про него в эпиграфе к «Евгению Онегину» (из сти-хотворения П. Вяземского). А он — сосуд всеодарен-ный, и мужик красивый и мощный: шутка ли — играл как футболист экстракласса! С авантюрным характе-
ром, человек риска, в жажде все испытать и познать —

разные среды общества и типы людей: контактен и любопытен, умеет и дружить, и любить, и враждовать смеет. А главное — призванный к Слову: вознесясь на небо мысли, в эмпирей воображения, свободен оттуда созерцать все поприще бытия и быта, описывать стра-сти людей, осиливать и свои боли и страдания... Ибо при видимом богатырстве и всепобедительности (дон-
жуанизмом славен — и это полигон его испытатель-

ской работы в половине рода людского), душою чув-ствителен и хрупок. А. Ткаченко и поэт (его книги стихов: «Сотворение мига», «Подземный мост», «Игра навылет», «Облом», «Избрань» и др.), и прозаик (кни-ги «Футболь», «Левый полусладкий», «Джетлег», «Русский суд», «Женщины, которых мы не любим», «Париж — мой любимый жулик»), и общественный деятель: вицепрезидент Русского ПЕНклуба. Изъез-дил он полсвета — и все же притянуло на прародину,

в Крым, в Карасубазар, к любимым сонародникам... Чем же привлекателен космос крымчаков в рекон-струкции, живописании Ткаченко? Это — мир без от-чуждения: малый, уютный, теплый. Тут все друг друга знают, переплетены соседством и родством. Если портной тебе шьет или парикмахер стрижет — то не за страх и не за деньги (только), но за совесть и честь мастера, а и оказывая добрососедскую услугу, в долг — как еще в на-туральном хозяйстве. Потому человечески душевные от-ношения и сюжеты вословесниваются писателем обиль-но: случаи из жизни, истории, характеры — все с чудес-

ностию особенностию какой и голосом. Недаром и серия коротких рассказов, новелл озаглавлена «Окнами во

8 Георгий Гачев

двор» — не на улицу и площадь, на вынос в мир и люд

чужой, а как на посиделки знакомых и знаемых, случаи забавные и трогательные, теплые, как и слова тут: «раз-говорная речь соплеменников — быстрая, горячая, добрая — все эти бала ала буюн хала»... где славянские слова перемежаются характерными тюркскими в многослой-ном языке многосудебных крымчаков («Одинокая лод-ка»). Читать рассказы «Окнами во двор» — это как «Ве-чера на хуторе близ Диканьки» — тоже посиделки, неис-тощимые, перебивающие друг друга голоса, предания, даже мифы, и страшненькие, а и чудесные вызволения и избавления, переплетения судеб. Но более всего — юмора. «Крымчак никогда не бывает пьяным, — сказал Ны-сым, заглатывая очередной стаканчик красного. — Так уж и не бывает, да ты сам сейчас отрубишься, а для нас это позор — валяться на улице под забором». Но добавляют стаканчик за стаканчиком четыре соседа, потом идут, повторяя: «Крымчак никогда не бывает пьяным. — Вот поэтому и не бывает, что жена находит и ведет домой». Крымчак любит пофилософствовать: «Куда мы идем, где наше место в истории и кто мы такие? Мы и порусски, и потатарски, и покрымчакски, а кто мы такие, куда мы идем?..» Тем временем:
«Я вижу, что мы уже выходим из нашего города... — И что, идем в другой? — Дурак, мы зайдем в наш с дру-гой стороны. Земля, говорят, еще пока круглая. Однако, попали в канаву. А в это время четыре же-ны искали своих пропавших мужей...
— Ну вот, я же сказал, что моя меня найдет и не даст повода говорить, что крымчак валяется под за-

бором, — сказал Ныcым.
— Нет, моя нашла, — начал было ныть Бохорчик.
В три часа ночи они медленно подошли к домам соседей и услышали сдержанный плач из одного и сдержанные радостные всхлипы из другого.

Предисловие 9

— Что случилось? — громко спросил Ныcым.
— Старый Мангупли помер, — послышалось в на-
ступившей тишине.
— У Ломброзо девочка родилась, — откликнулись
тут же.

...Они сели в саду за деревянным столом и откупо-рили бутылку виноградной водки. И выпили за упокой и за здоровье» («Белый ослик и луна»). Такой вот сба-лансированный и уютный мир доброго старого времени. Как слышим, национальная часть обострена у мало-
го народа:

«А я плохо делать ничего не умею, особенно кубэтэ,
мы же крымчаки... — говорит мама, изготовляя наци-

ональное блюдо на угощение. А само приготовление блюда рассказано увлекательно — как и рецепт, и сю-
жет, и предание:

— Почему не завершила второй кружок? — требо-
ватель но спрашивал я.

— Это, парень, узор на кубэтэ, незавершенная линия показывает путь наверх, к Богу Тенгри, прошение к нему, что бы все было у нас хорошо. Это — линия в космос, к звездам, понял?.. Мы не знаем, откуда пришли и куда уйдем, тоже не знаем, поэтому и об-ращаемся к небу... Кубэтэ мы любим не потому, что это просто пирог с мясом, а потому, что вокруг него мы

соединяемся, думаем об одном и том же, переживаем» («Разорванный круг»).
Глазами мальчика также рассказ о свадьбе, где «ма-ма спросила папу:

— А кто же все-таки заказал вчера такой грандиоз-ный салют в честь молодых?
— Кто заказал, — ответил отец, — ты разве ничего
не знаешь? Вчера вышло постановление Правитель-ства СССР о присоединении Крыма к Украине. Поэто-му и салют был...

10 Георгий Гачев

На следующий день я увидел, что Марк и Куюна с утра пораньше кудато ушли надолго.

— Ой, сынок, да они пошли на кладбище договари-ваться, чтобы им оставили места рядом. — Я был по-трясен.

— Это что же такое, только поженились и сразу умирать?
— Да это обычай такой у нас, крымчаков, глупень-кий, говорящий о том, что муж и жена теперь до гро-ба вместе» («Свадьба»).
Так и обычаи, и история переплетаются в повество-вании автора о своем народе. Тут не случайно упомянут Тенгри — Бог тюрок, по вершине Хан Тенгой («Тянь» — небо и для китайцев). Он и у нас в Средней Азии для казахов, киргизов. А в крымчаках — как переплет этно-сов, так и вер-религий. Приняли иудаизм, как и хазары (не будучи евреями по этносу), а в быту — и тюркское, и татарское, и средиземноморское — вон имена: Лом-брозо, Анджело — итальянские, испанские... И такой тигель кровей, что и породил уникальную красоту в «породе» крымчаков. (Смотри фотографии). Вон в рассказе «Запах чабреца и моря» — женщина, лич-ность: «Часто я вздрагиваю в толпе, вдруг видя ее лицо, Авва?.. Нет, не она. Похожа, но лицо слишком обыден-ное. В ее лице было что-то неправильное...» — и это как раз создает «лица необщее выраженье» той, уникаль-ной, кого — любить! И точное слово найдено писателем: «лицо не серийное», так сказать, «штучное», как созда-ет художник-ремесленник, а не конвейер, как ныне сек-сапильных красоток. «Их семья была из древнего ис-панского рода, из Галисии. Вероятно, бежав от инкви-зиции четыре столетия назад, они оказались в Крыму». Так что Карасубазар, главный регион обитания крымчаков, — еще и ковчег этносов, где «всякой твари

Предисловие 11

по паре» собралось за историю. Да и идей, образов и ассоциаций в сознании писателя. «Карасу» ведь по-тюркски — «черная вода, река». А с чем ассоциируется это название у русского чело века, поэта? Да, угадали: та Черная речка, на которой состоялась дуэль Пушки-на. И автор не преминул развить эту ассоциацию в но-велле о посещении Пушкиным Тавриды с Раевским, где тот слушал от ашуга сюжет: «Султан... с ними Черномор... мимо острова... — Пушкин слушал, а по-
том сказал:

— Все, Аджи... А как речка называется?
— Карасу, Черная речка. — Я видел, как Александр Пушкин пошел на мост, встал, опершись на деревян-ные перила, и уставился вниз на воду Карасу... И ду-мал, думал... Вероятно, о петербургской Черной речке. Мистика и здесь, и там».
Это из стилизации автора под «джонку» — руко-писный жанр семейнодомашних записей крымчаков: «Из джонки карасубазарского толмача, лето 1825: Я, Аджи Измерли, сын Яшаха Измерли, писал...» Вообще Карасубазар и община вокруг него — это в исполнении писателя особая планета, анклав, как у Фолкнера округ «Йокнапатофа», со своим рельефом, людом, характерами. Или «Миргород» Гоголя — тоже целое население персонажей... Даже герб им придан особый: запечатлевает некий набор национальных символов, — и автор приводит его в иллюстрациях к

книге. «Герб Карасубазара, проект 28.08.1875. В золо-том щите положен зеленый пояс, обремененный тремя серебряными лунами, сопровождаемыми вверху и вни-зу черными крымчакскими шапками. В вольной ча-сти — герб Таврической губернии». Вдумаемся. Зеле-ный — цвет Ислама, а серебряные полумесяцы (не «луны» шары) — тоже символика этого ареала. Золо-

12 Георгий Гачев

той — цвет Солнца и звезды иудаизма. На гербе Тав-рической губернии символы России: двуглавый орел и крест. Шапки же крымчакские — меховые со ско-шенным залихватски верхом — это как у казаков, ко-чевников, тюрок... Так что вот в каком переплете со-ставляющих элементов обитали крымчаки. Это и в психологии, в характерах отложилось, и в менталь-

ности, что чутко воспроизводит писатель. В стиле его рассказовновелл слышатся «фацетии» итальянского чинквенченто, а юмор — то ли с чертами еврейской «хохмы» (а «хохма» — мудрость на иврите), то ли в жанре турецких анекдотов о хитрецах «бекташи», или о Ходже Насреддине.
«Чипче на Ташхане слыл чудаком... Так сидел он однажды в тени на камешке, а перед ним стояли ста-

рые аптекарские весы». Что продает? «Пыльцу для опыления цветов» — и попался-таки приезжий тата-рин. Или поставил ишака на против часов недалеко от дома композитора Спендиарова — и продавал его как умельца определять время. Хлопал ишака по за-днице, тот сдвигался, Чипче видел часы — и говорил точное время... Или еще фокус оптический: «Подни-маю белую скалу указательным пальцем за алтын» («Торговля воздухом»).
«А вот здесь, на этом месте, стоял дом самого зна-менитого бандита начала века. Звали его Алим, жена у него была красавица-крымчачка. Он грабил богатых и деньги раздавал бедным, ну такой местный Робин Гуд, правда, крымского масштаба» («Карасубазар»). Или славный циркач Коко, кто носил «крымчакский наряд — яркая красная, подпоясанная кушаком рубаха, шелковые черные брюки, заправленные в короткие мягкие кожаные сапожки», выступал с номером «Жон-

Предисловие 13

глер в темноте» и раз «сыграл свою смерть» («Жон-глер Коко»). Или гениальный шулер-картежник («Игровой Зяма») — артист в своем деле. Все таланты в мозаике персонажей своего народа — восхитительны. Но главное же, конечно, — это простые трудяги: же-стянщики, портные... Но все — с каким-то своим «за-дором» (слово Гоголя). Начитанный и наслышанный жестянщик Ольмез порассуждать любит «научно» и, предвидя катастрофы — землетрясения, что вода ума-лится («чаю надо пить меньше, кофе...»), а кометами «небо рассыпается на мелкие кусочки», — взывает к общественности: «Надо писать письма, надо собирать-ся вместе и думать, думать, как нам жить, так дальше

нельзя... Вчера я лудил железо оловом, и капля упала в воду и не остыла. Это значит, что вся вода уже горя-чая, понимаешь? Это знак, что там все уже созрело, напрелось, и скоро... А вы все... Эх!..» («Жестянщик Ольмез»).
И вот все это изобилие жизни, трепетание душ — и в ров? «Это ужасно, когда рок уносит не только целый народ, но и каждые его капельки в океан быта, а затем и небытия... Война. Вторая мировая» («Бася и Давид», повесть).
По капельке собирает писатель эти кровиночки — в крымчакскую «чашу Грааля», где остатняя кровь рас-пятого историей народа собрана, светится... Светопреставление народу совершилось 11 декабря 1941 года. К катаклизму этому неотступно и неустанно возвращается писатель, представляя ужасные картины,

чтобы «пепел Клааса», не потухая, горел в сердце. И словно голос расстрелянной девочки звучит из рва — в завершающем книгу пронзительном стихотворении

поэта:

14 Георгий Гачев

И СКАЗАЛА ДЕВОЧКА

Мне не холодно, мне стыдно, Заверните меня в край небес голубой, Страх и ненависть пишутся слитно, Страх, что звери людей повели на убой.

Трава болит, небо болит, земля болит До сих пор,
Ветер болит, дождь болит,
Катится солнце убитое с гор...
С колыбельными песнями вас не растили,
И толкая ногой полуночные двери,
На руках до постелей вас не носили...

Звери вы, господа, звери, как ни прячьте горячеч-ный глаз.
Но и новое надругательство совершалось спустя время над погибшими: объявились гробокопатели, что повели раскопки во рву захоронения, отыскивая золо-

то коронок зубных, кольца, перстни... И начальство местное, чтоб «шито-крыто», препятствовало гласно-сти — и сколько усилий пришлось развить А. П. Тка-ченко уже в его правозащитной деятельности, чтобы отстоять права жертв на достойную память!.. Книга эта тоже им памятник. Она — Реквием Вечная память ду-шам убиенных — не покой, не усопшим... Но и — Ле-бединая песнь. Лебедь ведь поет свою экстатическую песнь — испуская дух, умирая! И писатель и поэт еще и стилизовал, представив прообразы крымчакского фольклора, редкостные записи в «джонках». Вот — «Из джонки, найденной в доме крымчака в городе Ак-Мечеть осенью 44го»:

Предисловие 15

Тебя отдали за богатого
Я уезжаю навсегда
Ты будешь счастлива
Я сохраню твою ресничку упавшую в ту ночь
Мне на ладонь когда мы уходили в степь
Закатную не обернувшись
Батрачить буду дом построю
Чтоб ты заплакала когда узнаешь что другую Отдадут за нелюбимого
Моя судьба
Летящий лист из сада
В поле
В пустое поле
Без тебя

Или вот фрагмент:
«Вчера разлилась Карасу унесло два небольших мостка для полоскания белья вода подступила со-всем близко к домам словно ком к горлу унесло во-роного коня он бил ко пытами по воде но потом заржал в последний раз сверкнув черным мокрым крупом на солнце скрылся под водой цыгане найдут
в океане...»

А вот из мудрости:

Деньги в долг — пусть проветрятся
Не ходи из дома если птица кричит
Если плачет человек выходи
Больной в доме — хозяин.

Сколько перлов сотворила душа крымчакского на-рода!.. И сколько пропало. И сколько воскрешено Александром Ткаченко! Но без людей — где они? В возДухе Бытия? Небытия?..